

Ценные замечания о жанре поэмы *Демон* находим у Е. Максимова. В своей книге *Поэзия Лермонтова* исследователь говорит о «слиянии» в лермонтовской поэме двух разновидностей жанра — поэмы новеллистической, повествовательной, созданной Байроном («восточные поэмы») и Пушкиным («ожженные поэмы»), и поэмы-мистерии (Мильтон, Байрон, Т. Мур, Виньи)¹. Однако, приведя эти соображения в статье о «Мицери», исследователь не предпринимает более подробного анализа жанровой структуры поэмы.

Вопрос о философском аспекте поэмы Лермонтова до недавних пор ставился в критике лишь мимоходом². Закономерной реакцией на это положение оказалось стремление исследователей наших дней рассмотреть поэму как произведение в первую очередь философское, раскрывающее целый ряд таких отвлеченных проблем, как движение и развитие, объективные законы бытия, борьба противоположностей и даже «идея личности как движущей силы истории». Отсюда — соответствующие утверждения о «предельно обобщенном символическом истолковании характера героя» как воплощения «самого принципа движения», как отвлеченного духа, чуждого всего земного, и истолкование его трагедии как «трагедии разобщенности... двух миров, мира „чистого разума“ и живой, реальной действительности»³. Несмотря на несомненную долю истины, кроющуюся во многих из этих утверждений, в целом такая трактовка образа Демона и места в поэме философских проблем представляется нам спорной, а определение жанра произведения как «поэмы символично-философской»⁴ — односторонним.

Думается, что вернее определить это произведение как философско-психологическую поэму—мистирию. Такое определение жанра поэмы отражает наличие всех трех указанных выше пластов ее структуры. Вместе с тем оно подчеркивает, что центральным из этих пластов является не философский, так же как, разумеется, и не мифологический, а именно психологический, который не случайно определяет и сюжетную основу поэмы. Такое соотношение структурных элементов, в свою очередь, приводит к тому, что не анализ внутреннего мира героя служит раскрытию философских проблем и понятий, а напротив, философские обобщения, касающиеся природы человека и его взаимоотношений с внешним миром — свобода и воля, утверждение и отрицание, добро и зло — помогают ярче раскрыть психологию героя, являющегося, конечно, не столько духом, сколько «душой», и его трагедию, происходящую на земле, а не в сфере отвлеченных идей или «философии истории». Поэтому, при всем богатстве внутренних переживаний героя, конфликт поэмы определяется, конечно, не только «борением» его дум и чувств, но и столкновением ге-

¹ Д. Максимов, *Поэзия Лермонтова*, Л., 1959, стр. 276. Так же бегло касаясь этого вопроса, Б. М. Эйхенбаум отмечает, что «в 1838 году Лермонтов превращает свою юношескую философскую и субъективно-лирическую поэму в «восточную повесть», построенную на кавказских легендах и сказаниях». Б. М. Эйхенбаум, *Статьи о Лермонтове*, Москва-Ленинград, 1961, стр. 86.

² Ценные замечания в связи с этим вопросом находим в исследованиях В. Ф. Асмуса *Круг идей Лермонтова*, «Литературное наследство», тт. 43—44, 1941; Б. М. Эйхенбаума, *Литературная позиция Лермонтова*, в кн.: *Статьи о Лермонтове*, Москва-Ленинград, 1961, и Н. Л. Бродского, *М.Ю. Лермонтов, биография*, Москва, 1945.

³ См. Е. Пульхритудова, *Демон как философская поэма*. В книге *Творчество М.Ю. Лермонтова*, Москва, 1964, стр. 77—88.

⁴ Там же, стр. 77.